

ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАСТ ПУБЛИЦИСТИКИ Л.Н. АНДРЕЕВА 1917-1919 ГОДОВ

Особенности культурно-исторического развития России первой трети XX века нашли отражение в художественном и публицистическом творчестве ведущих писателей эпохи. Наиболее ярко выражение авторской социально-политической позиции представлено в публицистических статьях, очерках, памфлетах и фельетонах. Представляя собой отклик на происходящее, публицистика стала своего рода трибуной, отдельным самостоятельным явлением в истории русской литературы.

Одним из авторов, чье творчество стало своеобразным синтезом противоречивости настроений и двойственности мировоззренческих восприятий, характерных для исторического периода 1917-1919 годов, является Леонид Николаевич Андреев. Писатель был свидетелем таких катаклизмов в истории России начала века, как русско-японская война, «кровавое воскресенье», первая русская революция, период реакции, Первая мировая война, революция 1917 года и гражданская война. Неприятие большевистской власти привело к фактическому забвению автора вплоть до второй половины XX века. Лишь в 50-60-е годы началось некое «воскрешение» – были изданы однотомники прозы и драматургии, а затем появились и первые критические работы. Однако избирались для публикации, главным образом, произведения реально-бытового плана, более привычные по форме, манере письма, позволяющие показать Андреева в определенной степени наследником традиций классического русского реализма. Во всей своей полноте и содержательности творчество этого русского классика начало раскрываться сравнительно недавно, давая богатый материал для литературно-критических исследований. Целью данной статьи является анализ публицистических произведений Андреева периода 1917-1919 годов в связи с общественно-политической ситуацией эпохи.

Анализируя творчество Андреева-публициста, следует отметить, что его творческий путь начался с работы в качестве газетного фельетониста и судебного репортера. Специфические черты ранних журналистских работ, такие как острая публицистичность произведений и активная гражданская позиция автора, часто идущая вразрез с господствующим политическим строем, нашли свое продолжение в зрелом творчестве Андреева-писателя, став отличительной особенностью его индивидуального стиля.

Помимо культурно-исторического и социального аспектов эпохи, заметное влияние на мировоззрение Андреева как писателя оказали философские воззрения Ф. Ницше и А. Шопенгауэра. Это выражается в противоречивости авторских идеалов, нечеткости его мировоззренческих позиций, скептическом отношении к событиям современности и человеку,

пессимистической символике, которая выражается в концептах «мрака», «тьмы», «одинокства», «бунта».

Многочисленные исследования и критические статьи, посвященные творчеству автора, свидетельствуют об интересе к его творческому наследию как со стороны современников, так и со стороны теоретиков советского и современного литературоведения.

Выдающиеся писатели начала XX века, такие как А.М. Горький, Д.С. Мережковский неоднократно отмечали яркое своеобразие андреевского стиля. Горький, которого с Андреевым связывали сложные отношения дружбы и вражды, находил в его творчестве окраски «космического пессимизма» [3, с. 8]. Д.С. Мережковский в статье «В обезьяньих лапах» говорит о его бесспорном влиянии на современников: «Ведь все-таки по действию на умы читателей среди современных русских писателей нет ему равных. ...Он один – свеча на столе» [6, с. 18].

Советские ученые при характеристике писательского стиля Леонида Андреева использовали такие эпитеты-характеристики, как «индивидуалистическое бунтарство» (В.В. Брусянин), «поэзия бунта и этика революции» (П. Басинский), «бунт отчаяния» (Ф.М. Левин), «русский Эдгар По» (В.А. Мескин). В.А. Келдыш относит творческое наследие Л. Андреева к «промежуточным» тенденциям в литературном процессе своего времени, отмечая «двойственность творческого сознания писателя, его срединную позицию между реализмом и декадансом» [5, с. 5].

Среди современных ученых, дающих наиболее полную и разноаспектную характеристику творчества данного автора, выделяются работы И.И. Московкиной, И.Ю. Искрижицкой, Н.Н. Смоголь. На современном этапе творчество Леонида Андреева рассматривается в контексте «кризиса сознания». Искрижицкая выделяет такое свойство поэтики автора, как «пантрагизм». В диссертационном исследовании Н.Н. Смоголь писатель представлен как «истинный трагик XX века».

Давая характеристику творчества Андреева, следует отметить социальную остроту и обличительную силу, присущую каждому его рассказу, пьесе, фельетону или статье. Писатель, всячески подчеркивая свое неприятие социально-политического конформизма, присущего многим его современникам, возводит концепт «индивидуалистического бунта» в абсолют, делая его одним из центральных мотивов-образов своего творчества. Выступая в качестве проповедника тех или иных идей, Андреев в своих произведениях подвергает действительность обобщению и осмыслению, придавая им свойство публицистичности. Мережковский в уже упоминавшейся статье отмечал: «Андреев не художник, но все же почти гениальный писатель: у него гений всей русской интеллигенции – гений общественности» [6, с. 19].

Вплоть до 90-х годов XX века публицистическое творчество Леонида Андреева 1917 – 1919 годов оставалось практически недоступным для читателя. Большинство литературно-критических работ советского периода завершались

характеристикой произведений 1916 года и упоминанием того, что октябрьская революция не была принята автором. Таким образом, целый пласт наследия Леонида Андреева оставался фактически неизвестным. Причиной этому послужило отношение писателя к революции 1917 года, которое, несмотря на субъективность, было довольно разноаспектным и оригинальным.

Давая характеристику событиям первой русской революции 1905 года, Андреев писал: «Революция тем хороша, что она срывает маски» [2, с. 29]. Перемены государственно-политического строя были очевидны, так как русский царизм исчерпал себя. Февральскую революцию 1917 года он рассматривал как закономерное явление исторического процесса. В таких статьях, как «Памяти погибших за свободу», «Путь красных знамен», «Цензура», «Призыв», «Революция (о насилии)», «Убийцы и судьбы» Леонид Андреев, как и многие его современники, с восторгом приветствовал это событие, усматривая в нем путь к новой, возрожденной России. Все происходящее в стране события стали следствием многовекового самодержавного рабства – «логического тупика» [1, с. 91], достигшего своего апогея при Николае II, воплотившись в «открытое столкновение Романова с Россией» [1, с. 78]. Вершить революцию, по мнению Андреева, должен сам русский народ, «мощным движением народного плеча свалить подточенный и кровью подмытый трон» [1, с. 78]. В статье «Путь красных знамен» народ представлен армией, призванной быть у руля революции: «Та армия, что ныне вся ходит под красными знаменами, есть сам русский народ, только вооруженный» [1, с. 78]. События 1917 года в России Андреев считал не чем иным, как «европейской революцией, которая приведет к созданию Европейских Соединенных Штатов» [1, с. 80]. Проводя параллели с Великой французской революцией, он отмечал: «мир будет заключать свободные народы на основах свободы, равенства и братства» [1, с. 81]. Цель данных свершений в том, чтобы «принести Европе мир и свободу» [1, с. 84]. Призывая соотечественников к вооруженной борьбе за будущее России, Андреев, все же без излишнего писательского идеализма, отмечал, что путь к свободе будет кровавым, ибо «революция есть великое насилие во имя свободы» [1, с. 102].

Однако, крах былой России, приход к власти большевиков стали трагедией для писателя: «Нет России. Нет и творчества...» [1, с. 227]. С помощью иронии, сарказма, сатиры и использования библейских образов-характеристик Андреев сравнивает наступление октября 1917 года с Апокалипсисом. Статья «Veni, Creator!» («Гряди, Победитель!») отмечена игрой контрастов: веселье – траур: «Громче и веселее кричи праздничный народ: в твой мрачный город вступает завоеватель!» [6, с. 278]; простота – величие: «...как прост и вместе величав его державный лик» [6, с. 278]; бессилие – сила: «Жалкие людишки трепещут над своей жалкой жизнью, ...а ты неподвижен и прям, как гранитная скала» [6, с. 279]; человек – богочеловек: «...ты был никто – нынче ты почти Бог, Ленин...» [6, с. 279]; история – личность: «Не он ли, стомиллионный великий русский народ ...покорно

склонил перед тобою свою выю и ныне венчает тебя» [6, с. 280]. Концепты «тьмы», «мрака», «ужаса» представляют доминирующее писательское настроение, его трагическое восприятие грядущих перемен, боль и горе за погибающую Россию: «...густится мрак, клубятся свирепые тучи ...и в их дымных завитках я вижу новый и страшный образ...» [6, с. 280], «...сгущается бездонная тьма, крошечный мрак. Ни единого огня, ни единого голоса – безмолвие и тьма. Мне страшно. Как слепой, мечусь я в темноте и ищу Россию...» [6, с. 280]. Заметим, что антибольшевизм Леонида Андреева опирается не на всесторонний анализ политика-профессионала, а на выражение отчаяния писателя, мыслящего образами: «...я только писатель, словесник, а не целый матросский оркестр...» [6, с. 279]. В последних его работах выражено осознание краха надежд на духовную Революцию, которую Андреев считал высшим проявлением революции. Это преобразование должно быть следствием собственно социального переворота.

Эволюция социально-политической позиции Андреева представлена в публицистических статьях, которые мы предлагаем рассмотреть в соответствии с их смысловой наполненностью и жанровыми оттенками. Так, тщетные попытки отыскать на политической арене революционной России личность, способную возродить ее былое величие, нашли воплощение в статьях-портретах. Наиболее яркие характеристики деятелей эпохи представлены в таких публицистических работах, как «Скоморох революции», «Veni, Creator!», «П.Н. Милюков», «О Керенском». Анализируя данные статьи, следует выделить своего рода градацию политических надежд самого автора. Возлагая надежды на А.Ф. Керенского как на будущего объединителя России, Андреев вскоре разочаровывается в нем как политике, неспособном стать организующим звеном: «Власти нет. И я позволю себе прямо и решительно обвинить А.Ф. Керенского в растрате власти» [1, с. 159]. В статье «Революция (о насилии)», которая не публиковалась при жизни Андреева, писатель проводит параллель между ним и В.И. Лениным: «Ленин показал, что такое постоянная революция и революционер. Не будь его цели так глупы, а может, и преступны, он вытащил бы Россию. И какая дешевка – Керенский!» [1, с. 241]. Характеризуя министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова, он приходит к выводу: «Ум Милюкова – большой, очень большой, но сухой и бесплодный. Он регистрирует, но не созидает. Он сосчитывает «мнения», но не воспринимает совершающегося в его непосредственном бытии» [1, с. 229]. При характеристике Ленина и одного из основателей партии социалистов-революционеров В.М. Чернова, автор прибегает к использованию иронического сравнения с целью высмеять методы политической пропаганды ведущих деятелей эпохи: «Демагогия бывает разного свойства. У одних она – трагическая, как у Ленина, у других – скоморошья, как у Чернова» [1, с. 144]; «Ленин ...рубит с плеча, почти как гильотина... у Чернова литературный прием прежде всего: и эпитет, и сравнение, и стишок, и цитата» [1, с. 145].

С июля по октябрь 1917 года Андреев пишет серию статей-призывов «К любящим Родину», «К тебе, солдат!», «Вопрос» и др. В них выражается смена пессимистических настроений и надежда на лучшее будущее для России. По мнению писателя, движущей силой перемен должен стать сам русский народ, ибо причина революции кроется в тех темных инстинктах, зарожденных самодержавием, в строгой цензуре, в которую оно облекло мысли и свободу. Как отмечает Андреев, «То страшное, что произошло, создано не революцией. То страшное, что произошло, подготовлено и создано самодержавием, еще хранящемся в душах и темных инстинктах народа» [1, с. 136]. Сопоставление положения русского солдата до, во время и после революции (статья «К тебе, солдат!»), находит выражение в таких понятийных категориях, как «предатель – освободитель – мученик». «Солдат! При Николае-самодержце ты был рабом. ...ты был страшен, солдат!» [1, с. 139]. Во время революции и свержения монархии роль солдата возводится в ранг миссии: «И впервые в нашей жизни новую песню запели солдатские пули: ...песню свободы» [1, с. 140]. Рассматривая политические события жизни России в связи с религиозными образами, Андреев прибегает к использованию библейской символики, изображает солдата в роли мученика: «И если жестокая судьба не сулила тебе победного венца, воздень на голову венец терновый» [1, с. 144]. Свои надежды относительно победы революции Андреев возлагает на союзные страны (статья «Вопрос» от 10 ноября 1917 года): «...и я позволю себе спросить наших союзников: - Нет ли какой-нибудь возможности оказать нам немедленную помощь?» [1, с. 151]. Таким образом, ценностное отношение и эмоционально-волевая позиция автора проявляется в каждом элементе публицистического текста.

Статьи «S.O.S» и «Европа в опасности», написанные в последний год жизни Андреева, представляют собой своеобразные пророчества. Так, «S.O.S» (24 марта 1919 года) широко перепечатывалась русской белогвардейской и белоэмигрантской прессой, в целях антисоветской пропаганды распространялась в виде листовок. Здесь автор предстает как великий патриот России, обеспокоенный предательскими действиями союзников и возмущенный самой сутью русского большевизма, исходящего, по его мнению, «из недр германского имперского банка...» [1, с. 161]. Действия союзных стран по отношению к России есть не что иное, как «...простое предательство, отличающееся от других случаев такого же рода *лишь* своим мировым масштабом» [1, с. 160]. Однако, несмотря на острую критику политических сил и их убеждений, статья пронизана искренним гуманистическим пафосом и верой в Человека как творца истории: «...верит в человека, как и я» [1, с. 166]. По мнению Андреева, Россия сможет занять свое место «среди великих народов мира» [1, с. 167].

«Европа в опасности», которая вышла в Нью-Йорке в 1920 году уже после смерти автора, должна была стать лекцией против большевиков, которую Леонид Андреев собирался читать в США. Так и оставшись незавершенной

вследствие внезапной смерти писателя в 1919 году, она являет собой сложную философско-политическую концепцию автора, выдвигая такие категории, как «Бунт» и «Революция», представленные в антитезе. По мнению писателя, «Бунт и Революция», подобно библейским Каину и Авелю, – «дети единой матери» [1, с. 172]. Таким образом, понимание сути русской революции 1917 года, приобрело в творчестве Андреева четко сформировавшуюся и законченную систему. Писатель не дает готовых ответов, однако подталкивает читателя к восприятию главной идеи: «...то единственное, но великое *различие*, которое Революцию делает живой водой, а Бунт – водою мертвой ...это *Мысль*» [1, с. 172]. Андреевская антитеза «Революция – Бунт» соответствует другой антиномической паре – «Россия – Большевизм».

Анализируя публицистическое наследие Андреева, следует выделить первостепенную роль использования библейской символики. Используя такие лексические единицы, как «лик», «саван», «воскресение», «Голгофа», «терновый венец», «революционная Пасха», писатель видит в революции апокалипсические мотивы, неизбежность, через которую мученически должен пройти русский народ в борьбе за собственную свободу. Эта сторона поэтики статей Андреева должна стать объектом отдельного исследования.

Подводя итог, необходимо сказать, что картины реальной действительности, изображенные в статьях Л.Н. Андреева в культурно-историческом аспекте, представляют некую систему доказательств, предмет авторского анализа, служат эмоциональной почвой, поводом для произнесения приговоров, подчиняя художественные задачи творчества публицистическим. Подчеркнем, что в данном творческом облике писатель и публицист не противостоят друг другу, а представляют неразрывное единство, что позволяет судить о многогранности литературной деятельности автора. Изучение формальных особенностей статей Андреева составляет перспективу дальнейшей работы над темой.

Литература

1. Андреев Л.Н. Верните Россию! / Л.Н. Андреев. – М.: Московский рабочий, 1994. – 268 с.
2. Басинский П. Поэзия бунта и этика революции: Реальность и символ в творчестве Л. Андреева / П. Басинский // Вопросы литературы. – 1989. – № 10. – С. 132-148.
3. Богданова В.А. Писатель редкого таланта и мужества / В.А. Богданова // Андреев Л.Н. Избранное. – М.: Сов. Россия, 1988. – С. 3-18.
4. Бугров Б.С. Мятежная душа / Б.С. Бугров // Андреев Л.Н. Пьесы. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 3-38.
5. Келдыш В.А. К проблеме литературных взаимодействий в начале XX века: О так называемых «промежуточных» художественных явлениях / В.А. Келдыш // Русская литература. – 1979. – № 2. – С. 3-27.
6. Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет / Д.С. Мережковский. – М.: Советский писатель, 1991. – 496 с.

7. Мескин. В.А. Поиск истины (О творчестве Л. Андреева) / В.А. Мескин // Русская словесность. – 1993. – № 1. – С. 43 – 47.

Аннотация

Ракитова Л.А. Проблемно-тематический пласт публицистики Л.Н. Андреева 1917-1919 годов.

Целью статьи является анализ проблематики публицистических произведений Леонида Андреева, написанных в период революции и гражданской войны. В работе рассматриваются наиболее значительные андреевские статьи в связи с общественно-политической ситуацией эпохи, учитывается их смысловая наполненность и жанровые оттенки. В ходе исследования вопроса автор обращает внимание на библейскую символику, широко используемую Андреевым-публицистом.

Ключевые слова: публицистика, статья, проблематика, символика, революция, русский народ.

Анотація

Ракитова Л.О. Проблемно-тематичний пласт публіцистики Л.М. Андрєєва 1917-1919 років.

Метою статті є аналіз проблематики публіцистичних творів Леоніда Андрєєва, написаних в період революції та громадянської війни. В роботі розглядаються найвизначніші андріївські статті у зв'язку з суспільно-політичною ситуацією епохи, враховується їхня змістова наповненість та жанрові відтінки. Під час дослідження питання автор звертає увагу на біблійну символіку, яка широко використовується Андрєєвим-публіцистом.

Ключові слова: публіцистика, стаття, проблематика, символика, революція, руський народ.

Summary

Rakytova L.A. The topical layer of L.N. Andreev's publicism in 1917-1919.

The aim of the article is the problematic analysis of the publicistic works of Leonid Andreev that were written during the revolution and civil war. The given investigation represents the most outstanding Andreev's articles in the case of their relation to socio-political situation of the epoch, taking into consideration their sense filling and genre peculiarities. In the case of the given research, the author is paying attention to the biblical symbolism that is widely used by Andreev-publicist.

Key words: publicism, article, problems, symbolism, revolution, Russian people.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати к. филол. н., доцентом Комаровым С.А.